

УДК 81.2.2

Горбунова Виктория Александровна
Институт филологии СО РАН
г. Новосибирск, Российская Федерация
vicgor89@mail.ru

Аффиксальное образование наречий в улчском языке (в сопоставлении с нанайским и орокским)

Аннотация

В статье рассматриваются аффиксальные модели словообразования наречий в улчском языке. Целью было определить круг мотивирующих основ разных лексико-грамматических типов, используемые аффиксы и передаваемые словообразовательные значения. Исследование проводилось на материале выборки из словарей и словарных материалов, опубликованных в источниках по улчскому языку (порядка 200 словообразовательных пар), с применением методов сплошной выборки, компонентного анализа, количественного анализа, а также сравнительно-сопоставительного метода. В результате в общей сложности было выделено около 20 моделей адвербиального производства от глаголов, прилагательных, существительных, других наречий и числительных. При этом в некоторых из них фигурируют идентичные форманты, которые обнаруживают возможность сочетаться с основами разной частеречной принадлежности. Это составляет отличительную особенность улчской языковой системы, которая отмечалась нами для субстантивного и адъективного словообразования. Примечательным для адвербиального словопроизводства является нечёткая граница между аффиксальной и неаффиксальной его разновидностями: 1) использование аффиксов, вероятно, восходящих к словоизменительным формантам из застывших при конверсии форм; 2) применение смешанного способа (редупликации в сочетании с аффиксацией).

Ключевые слова: улчский язык, словообразование наречий, аффиксальное словообразование, словообразовательные суффиксы, словообразовательные модели

© Горбунова В. А. 2024

Для цитирования: Горбунова В. А. Аффиксальное образование наречий в улчском языке (в сопоставлении с нанайским и орокским) // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2024. Вып. 10, № 2. С. 15–26.

Viktoriya A. Gorbunova
Institute of Philology, SB RAS
Novosibirsk, Russian Federation
vicgor89@mail.ru

Adverb production by affixation in the Ulch language (Comparing Nanai and Orok)

Abstract

The paper examines the patterns of adverb formation by affixation in the Ulch language. The aim is to identify the range of grammatical types of stems and suffixes used in the patterns as well as the change in meaning triggered by the derivation process for each pattern. The tokens for analysis were selected by continuous sampling from Ulch dictionaries and glossaries found in published studies on the Ulch language. The total of about 200 'producing stem + derivate' pairs were selected and further processed using component, comparative and qualitative analysis. As a result, about twenty patterns were discovered including verb-to-adverb, adjective-to-adverb, noun-to-adverb, adverb-based and numeral-to-adverb patterns. Some of the patterns were found to operate identical suffixes that display an ability to combine with stems belonging to various parts of speech. This

turns out a distinguishing feature of the Ulch grammatical system we previously documented for noun and adjective production. The characteristic feature of the adverb production is the lack of a strict border between affix and non-affix patterns making itself evident by such phenomena as (i) the use of derivational suffixes possibly originating from inflectional affixes figuring in the forms that underwent conversion, (ii) the use of mixed methods (reduplication combined with affixation).

Keywords: the Ulch language, adverb derivation, affixation, derivational suffixes, derivational patterns

© Gorbunova V. A. 2024

For citation: Gorbunova, V. A. (2024). Affiksial'noe obrazovanie narechij v ul'chskom yazyke (v sopostavlenii s nanayskim i orokskim) [Adverb production by affixation in the Ulch language (Comparing Nanai and Oroki)]. *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika [Theoretical and Applied Linguistics]*, 10 (2), 15–26.

1. Введение [Introduction]

Данная статья представляет третью часть комплексного исследования аффиксального словообразования в малоизученном ульчском языке [Горбунова, 2020 ; Горбунова, 2021]. На сегодняшний день описание ульчской словообразовательной системы ограничивается отдельными наблюдениями, которые содержатся в основополагающих для ульчеведения трудах [Петрова, 1936 ; Суник, 1985], а также небольшим кругом современных работ, описывающих обособленные словообразовательные модели [Заксор, Наумова, 2014 ; Заксор, Наумова, 2014 а ; Стойнова, 2018]. Серия статей, предлагаемая автором, призвана обобщить, уточнить и расширить имеющиеся сведения о наборе продуктивных и архаичных словообразовательных моделей в ульчском языке, выявить полный круг формантов, участвующих в словопроизводстве, соотнести их с определёнными словообразовательными значениями и, наконец, выявить особенности, характеризующие ульчское словопроизводство как автономную систему и как органическую часть тунгусской языковой общности. Обращение к данным родственных языков (прежде всего нанайского и орокского, близкое сходство которых с ульчским отмечалось исследователями [Певнов, 2018, с. 444 ; Петрова, 1936, с. 12–13]) используется как в сравнительно-сопоставительных целях, так и для проверки выдвигаемых гипотез в случаях, когда доступного языкового материала оказывается недостаточно для однозначных выводов.

Описание словообразования наречий в тунгусо-маньчжурских языках осложняется тем, что оно, по сравнению с номинальным и адъективным словопроизводством, значительно теснее связано с процессами конверсии – многие структурные разновидности наречий появились в результате окаменения определённых форм существительных и глаголов. В некоторых случаях, описывая явления на границе между аффиксальным и неаффиксальным словообразованием, происхождение формантов и др., мы будем обращаться также к другим типам моделей – конверсии и редупликации.

М а т е р и а л о м для исследования послужила выборка из опубликованных словарных материалов [Петрова, 1936 ; Суник, 1985], а также из Сравнительного словаря тунгусо-маньчжурских языков [ССТМЯ, 1975–1977] и учебного словаря [Вальдю, 2005]. Суммарно из их словников методом сплошной выборки нами было отобрано около 200 производных наречий, содержащих в своей основе суффикс, квалифицируемый как словообразовательный, а также соответствующее количество производящих основ разных частей речи, которые образуют словообразовательные пары с этими наречиями. Для выявления словообразовательных значений применялся метод компонентного анализа, оценка частотности моделей словопроизводства осуществлялась с опорой на количественный анализ, исследование специфики ульчского словообразования проводилось сравнительно-сопоставительным методом с привлечением материалов других языков

тунгусо-маньчжурской семьи. Дефиниции, приводимые для лексических единиц, представляют скомпонованные выдержки из этих источников. При описании явлений близкородственных языков мы опирались на данные соответствующих грамматик.

2. Модели образования наречий [Patterns of adverb derivation]

В производстве наречий в ульчском языке участвуют шесть разновидностей основ: глагольные, субстантивные, адъективные, адвербиальные, синкретичные, а также основы числительных.

2.1. Образование наречий от глаголов [Adverbs derived from verbs]

Отглагольные образования составляют наиболее обширную (65 дериватов – 33% от общей выборки) и разнообразную группу среди производных наречий в ульчском языке; их производство происходит по пяти аффиксальным моделям разной степени распространённости и продуктивности.

Особенно высокой продуктивностью (25 дериватов – 38% отглагольной группы) отличается модель с суффиксом *-дала/-доло/-дула/-дэлэ* и значением предельности признака, определяемой в соответствии с состоянием или результативным действием, которые называют мотивирующие глагольные основы. Лексемы подобной структуры и значения известны и в других тунгусо-маньчжурских языках, где получают двойное толкование: часть исследователей рассматривает их как деепричастные наречия [Авролин, Болдырев, 2001, с. 374], часть – как собственно наречия [Озолина, 2013, с. 285]. Мы присоединяемся ко второй точке зрения, интерпретируя ульчские лексемы подобной структуры как самостоятельные лексемы адвербиальной категориальной принадлежности с вычленимым аффиксом.

Высокая продуктивность модели обеспечивается способностью суффикса *-дала/-доло/-дула/-дэлэ* свободно сочетаться с глаголами различных лексико-семантических групп и валентностных свойств. Среди основ, к которым может присоединяться этот формант, выделяется несколько смысловых разновидностей:

- физиологическое состояние человека или другого живого существа: *али-* ‘изнемогать, уставать’ > *алидала* ‘до устали, до изнеможения’; *бали-* ‘ослепнуть’ > *балидала* ‘до ослепления, до слепоты’; *булбу-* ‘умереть, погибнуть’ > *будэдэлэ* ‘до смерти’; *сй-* ‘охрипнуть’ > *сйдэлэ* ‘до хрипоты’;
- физическое состояние объекта окружающей действительности: *мада-* ‘увеличиться, разбухнуть, распухнуть’ > *мададала* ‘до разбухания, до увеличения’; *пуйси-* ‘кипеть, пениться’ > *пуйсидэлэ* ‘до кипения, пока не закипит’;
- состояние природы, окружающей среды: *долбозу-* ‘наступать ночи’ > *долбозудала* ‘до наступления ночи’; *гарпа-* ‘светить (о солнце)’ > *гарпидула* ‘пока не взойдет (солнце)’;
- действие, направленное на объект (часто деструктивного характера): *вā-* ‘убить кого-либо; добыть (зверя, рыбу)’ > *вāдала* ‘до смерти’; *дахала-* ‘победить, подчинить, покорить’ > *дахалидала* ‘до полной победы, пока не покорят’; *бақа-* ‘находить, получать’ > *бақадала* ‘до тех пор, пока не найдется, не получится’.

Многочисленность словообразовательных пар данного типа даёт нам обильный материал для анализа семантического соотношения производящих основ с осложнённой, многокомпонентной смысловой структурой и производных слов, которые могут воспроизводить её с разной степенью полноты. Данные показывают, что в ульчском языке обнаруживается тенденция к утрате части смыслового наполнения в процессе межкатегориального словопроизводства. Наречие, образованное от многозначного глагола, как правило, реализует только один из лексико-семантических вариантов, входящих в се-

мантику последнего: *илу-* ‘поднять’; ‘встать’ > *илидала* ‘пока не встанет, пока не остановится’; *тихала-* ‘согласиться’; ‘хотеть, желать’ > *тихалидала* ‘до изъяснения согласия, пока не согласятся’; *элэ-* ‘насытиться, поесть чего-нибудь вдоволь’; ‘надоесть’ > *элэдэлэ* ‘вдосталь, досыта’; *эдэнэ-* ‘поглупеть’; ‘захиреть, увянуть’ > *эдэнэдүлэ* ‘до одурения’.

Тем не менее в выборке зафиксирован и ряд случаев, когда производная основа с точностью повторяет семантическую структуру исходной, отражая все её внутренние трансформационные процессы: *гарпа-* ‘стрелять (из лука)’; ‘светить (о солнце)’ > *гарпидула* ‘пока не взойдёт (солнце)’; ‘пока не выстрелит (из лука)’; *қақтарси-* ‘чувствовать, ощущать едкость, солёность’; ‘плохо чувствовать себя после ссоры, скандала’ > *қақтарсидала* ‘до пересола, до полной едкости’; ‘до плохого самочувствия, состояния’; *мана-* ‘уничтожать, разрушать’; ‘кончаться, расходоваться’ > *манадала* ‘до полного уничтожения’; ‘[до полного] окончания’.

Варьирования словообразовательного значения в выборке практически не наблюдается: во всех случаях дополнение суффиксом *-дала/-доло/-дула/-дэлэ* представляет действие, названное исходной глагольной основой, как результативный признак, достижение которого задаёт предел для основного действия (в предложении оно будет выражаться глаголом-сказуемым, подчиняющим себе наречие). Случаи, когда это значение вытесняется или сочетается с другими, обычно темпоральными, единичны, например: *энулу-* ‘заболеть’ > *энулүдэлэ* ‘до болезни, до того, как заболеть; пока не заболит’.

Суффиксы *-пси* и *-псули* также активно применяются для производства отглагольных ульчских наречий (13 дериватов – 20% отглагольной группы), но, в отличие от описанного выше форманта, характеризуются узкой сочетаемостью. Они регулярно присоединяются к глагольным основам, выражающим разные типы настроения (реже – физического состояния) человека, формируя адвербиальное значение признака по эмоциональному / внутреннему состоянию:

-пси: *булдазу-* ‘впасть в тоску, в уныние’ > *булдазипси* ‘тоскливо, нудно’; *йада-* ‘устать, утомиться’ > *йадапси* ‘утомительно’; *ңэлэ-* ‘бояться, пугаться, страшиться, трусить’ > *ңэлэпси* ‘страшно; опасно’;

-псули: *агда-* обрадоваться > *агдапсули* ‘радостно’; *бāрачу-* ‘радоваться’ > *бāрачупсули* ‘радостно’; *игдэсу-* ‘стыдиться’ > *игдэпсули* ‘стыдно, неловко’; *кэсэ-* ‘обессилеть, изнемогать’ > *кэсэпсули* ‘тяжело, тяжело, мучительно’; *таңгаза-* ‘удивляться, поражаться’ > *таңгазাপсули* ‘удивительно, поразительно’.

Отметим, что ранее мы включали суффиксы *-пси*, *-псули* в список формантов, участвующих в производстве прилагательных [Горбунова, 2021, с. 229]. Это вызывает вопрос о том, следует ли считать адвербиальные и адъективные модели омонимичными по отношению друг к другу или же рассматривать какие-то из них как исходные, а прочие – как вторичные, образовавшиеся по аналогии, в результате переноса на основы иного категориального типа. Данный вопрос может быть с определённой разрешён для моделей с формантом *-псули*: существенные различия в типовых значениях производящих основ (‘тип поведения’ в адъективных моделях, ‘настроение или состояние’ в адвербиальных) и словообразовательных значениях (‘признак по склонности к действию’ и ‘признак по внутреннему состоянию’ соответственно) указывают на их автономность по отношению друг к другу. Сложнее для анализа оказываются модели, где применяется суффикс *-пси*: они имеют приблизительно одинаковую степень распространённости, используют в качестве мотивирующих основ одну и ту же группу глаголов, а значения производных прилагательных и наречий обнаруживают близость – у обоих в основе лежит характеристика по эмоциональному состоянию (испытываемому субъектом действия для наречий и возбуждаемому определяемым предметом для прилагательных). Весомым аргументом в пользу того, что адъективные модели являются первичной и основной вариацией, пред-

ставляется тот факт, что они с большей регулярностью, чем адвербиальные, фигурируют в родственных языках [Аврорин, 1959, с. 203 ; Озолиня, 2013, с. 54–55].

Ещё одна отглагольная модель, оперирующая суффиксом *-вами/-вэми*, выделяется среди прочих ограниченным употреблением (6 дериватов – 9% отглагольной группы) и узостью словообразовательного значения. Наречия, образованные по данной схеме, являются замыкающими членами словообразовательных рядов вида ‘существительное, называющее время года или дня > глагол, обозначающий наступление соответствующего временного отрезка > наречие с семантикой временного признака, связанного с наступлением соответствующего временного отрезка’: *инэңи* ‘день’ > *инэзу-* ‘наступать дню’ > *инэзувэми* ‘как только наступил день’; *туэ* ‘зима’ > *туэзу-* ‘наступить зиме’ > *туэзувэми* ‘зимой, как только наступит зима’.

При этом в некоторых случаях средний член словообразовательного ряда не получает отражения в лексикографических материалах (возможно, из-за ограниченного распространения на определённом этапе жизни языка или затруднительности исчерпывающего освещения лексического материала), однако без труда восстанавливается по аналогии с примерами выше: *боло* ‘осень’ > **болозу-* ‘наступать осени’ > *болозувами* ‘как только / когда наступит осень’; *зуа* ‘лето’ > **зуазу-* ‘наступать лету’ > *зуазувами* ‘летом’.

Несмотря на малоупотребительность на современном этапе развития языка достаточно хорошо (10 дериватов – 16% от данной группы) представлен в выборке суффикс *-пти*, имеющий широкое хождение в тунгусских языках. Путь его развития, как представляется, повторяет тот, который В. А. Аврорин описал для нанайского суффикса *-пчи* [Аврорин, 1959, с. 184]. Данный аффикс, вероятно, восходит к архаичному словоизменительному форманту, который передавал одно из местных падежных значений. Образованные с его участием формы существительных регулярно подвергались конверсионным процессам, итогом которых становилось появление омонимичных наречий места. Однако в дальнейшем суффикс того же фонетического состава начинает появляться также в отглагольных наречиях, в том числе и из разряда качественных. Подобное расхождение в сочетаемости и семантике свидетельствует, на наш взгляд, об отделении нового автономного форманта словообразовательного типа.

На современном этапе развития языка суффикс *-пти* передаёт общее направительное значение и присоединяется к глагольным основам с широким спектром значений – общим для всех них является наличие идеи направленного движения в семантической структуре: *ача-* ‘соответствовать, соединять’ > *ачапти* ‘навстречу’; *чāлу-* ‘резать, отрезать’ > *чāлупти* ‘поперёк’; *чором-* ‘упасть на спину’ > *чоропти* ‘на спине’; *ңэнэ-* ‘двигаться, идти, ехать’ > *ңэнэпти* ‘по пути движения’; ‘по ветру’.

На архаичность наречий с суффиксом *-пти* и малую продуктивность соответствующей модели указывает то, что выявленная в выборке группа практически полностью совпадает со списком наречий направительной семантики с фонетически близким суффиксом *-пчи*, который представлен В. А. Аврориным для нанайского языка [Аврорин, 1959, с. 184]. Некоторые из этих лексем отмечаются и в орокском языке [Озолиня, 2013, с. 254].

2.2. Наречия, образованные от прилагательных [Adverbs derived from adjectives]

Значительную часть выборки (47 дериватов – 23%) составляют наречия, образованные от прилагательных и синкретичных основ. Структурное разнообразие в этом сегменте относительно невелико – здесь регулярно функционируют только три форманта – однако две из трёх представленных моделей отличаются высокой продуктивностью.

Наиболее многочисленны (25 дериватов – 53% данной группы) отадъективные наречия с суффиксом *-зи*, статус которого необходимо обозначить особым образом. Суффикс *-зи* известен в тунгусских языках как формообразующий аффикс, передающий граммати-

ческие значения творительного и исходного падежей имён существительных. В связи с этим производные наречия, в структуре которых содержится компонент *-зи*, трактуются исследователями неоднозначно. Так, Т. И. Петрова устанавливает тождество между этими двумя элементами, отмечая, что «выступая в качестве наречий, [прилагательные] могут принимать суффикс *Instructivi -zi*» [Петрова, 1936, с. 41]. О. П. Суник также усматривает между ними связь, однако лишь в диахроническом аспекте: в его интерпретации суффикс *-зи* восходит к «окончанию творительного падежа» [Суник, 1985, с. 50]¹.

Если рассматривать все ульчские наречия со структурным компонентом *-зи* как продукт адвербиализации, их описание следовало бы исключить из обзора аффиксального словообразования. Однако сомнение здесь вызывает тот факт, что словообразовательные пары, в которых первым членом выступает существительное – склоняемая часть речи, в выборке единичны (*абулту(н)* ‘недостаток, недоделка, нехватка’ > *абултузи* ‘недостаточно’; *дали(н)* ‘помощь, посредство в чем-либо’ > *далинзи* ‘посредством, с помощью кого-либо’; *сусэ* ‘беспорядок, смута’ > *сусэзи* ‘беспорядочно, небрежно’). Основная масса производных наречий на *-зи* происходит от прилагательных – иными словами, как мотивирующее слово, так и дериват относятся в таких парах к классам слов, которые в ульчском языке не обладают категорией падежа. Соответственно, в существующей грамматической парадигме причины внедрения падежного показателя как промежуточного этапа конверсии остаются неясными.

В свете сказанного мы предполагаем, что *-зи*, который изначально предстал в рамках неаффиксальной словообразовательной модели как десемантизированный компонент застывшей основы, впоследствии получил новое смысловое наполнение и стал ассоциироваться с обобщённым адвербиальным значением. Иными словами, наряду с суффиксом творительного падежа *-зи* в ульчском языке появилась омонимичная значимая морфологическая единица словообразовательного типа. В этом качестве суффикс стал употребляться для образования наречий от других классов слов, теперь уже независимо от требований словоизменения.

В чистом виде аффиксальная модель с данным формантом реализуется в тех словообразовательных парах, где производное слово имеет строго адъективную принадлежность, а дополнение суффиксом *-зи* переводит её в разряд наречий, заменяя исходную семантику признака предмета на семантику признака действия: *н'кичи(н)* ‘слабый, щуплый’ > *н'кичинзи* ‘слабо’; *чуки(н)* ‘негодный, плохой, подлый, скверный’ > *чукинзи* ‘плохо, по-плохому, скверно’; *улэ(н)* ‘хороший’ > *улэнзи* ‘хорошо’; *сэчэ(н)* ‘старательный, усердный, прилежный’ > *сэчэнзи* ‘старательно, охотно’; *мутуху(н)* ‘упорный, настойчивый, старательный’ > *мутухунзи* ‘упорно, настойчиво, старательно’.

Однако не менее многочисленны (около половины дериватов данной подгруппы) и случаи, когда мотивирующая основа не является прилагательным в строгом смысле. Такие основы в тунгусоманьчжуроведении называют синкретичными, конверсивными или омонимичными: на уровне языка они заключают в себе сразу несколько взаимоисключающих категориальных значений, но в предложениях реализуются в виде единиц определённой части речи. Мотивирующие основы, которые мы объединяем в данной группе, могут предстать в речи в виде прилагательного или наречия – иными словами, они изначально содержат в себе адвербиальный компонент. Присоединение суффикса *-зи* эксплицирует этот компонент на структурном уровне и нивелирует адъективный компонент, трансформируя основу из синкретичной в наречную и не привнося никаких других изменений: *бэли* ‘готовый’; ‘готово’ > *бэлизи* ‘готово’; *турэ(н)* ‘быстрый’; ‘бы-

¹В грамматиках близкородственных языков качественные наречия на *-зи* по большей части не получают подробного комментария. Следует, однако, упомянуть, что И. В. Кормушин в своих очерках по грамматике удэгейского языка занимает позицию, противоположную точке зрения Т. И. Петровой – он говорит о *-зи* как об автономном словообразовательном суффиксе, вообще не соотнося его с падежным показателем [Кормушин, 1998, с. 98].

стро' > *тургэнзи* 'быстро'; *орки(н)* 'плохой, безобразный'; 'плохо' > *оркинзи* 'плохо'; *намтиңза(н)* 'удобный'; 'ловкий; быстрый, скорый, живой'; 'удобно'; 'ловко; быстро, скоро' > *намтиңзанзи* 'удобно'; 'ловко, быстро, скоро'.

В примерах выше значения прилагательных и производных от них наречий эквивалентны, за вычетом разницы в категориальном компоненте. Уточним, что в ряде случаев при введении суффикса *-зи* частеречная трансформация сопровождается сужением, конкретизацией семантики исходного прилагательного или существенным смысловым сдвигом: *ларги(н)* 'хороший, приятный'; 'усердный, старательный' > *ларгинзи* 'хорошо, ловко (работать)'; *хата(н)* 'крепкий'; 'острый'; 'быстрый'; 'смелый, резкий' > *хатанзи* 'горячо, с жаром'; *зулу* 'передний, первый' > *зулузи* 'раньше, прежде, сначала'; *голи* 'широкий' > *голизи* 'широко'; 'с промежутками, редко'.

В составе выборки зафиксированы немногочисленные отглагольные наречия с суффиксом *-ми* (порядка десяти единиц). Пока представляется затруднительным установить, имеет ли данный словообразовательный формант историческую связь с формообразующим суффиксом *-ми*, который используется в ульчском и других тунгусских языках для образования форм одновременных деепричастий [Аврорин, 1959, с. 140; Озолиня, 2013, с. 94; Суник, 1985, с. 180]. Во всех трёх словообразовательных системах эти формы регулярно подвергались адвербиализации, теряя процессуальную семантику и способность к словоизменению (варьированию по числам). Не исключено, что впоследствии, подобно суффиксу *-зи*, десемантизированный структурный элемент *-ми* обрёл новую роль маркера адвербиальности, обобщённое значение признака действия по качеству, что позволило ему комбинироваться и с именными основами: *айақта* 'злой, сердитый' > *айақтами* 'грубо, сердито, зло'; *габала(н)* 'жадный, ненасытный' > *габалами* 'жадно, с жадностью, жадничая'. Однако образования такого рода встречаются слишком редко (в отадъективной группе – 6 дериватов – 12%), чтобы можно было говорить о выраженной тенденции.

Неоднозначную роль в ульчском словообразовании играет суффикс *-ули/-вли*, который в равной степени характерен для адъективных и адвербиальных дериватов (12 единиц – 26% от рассматриваемой группы). Он присоединяется, как правило, к синкретичным основам, которые могут принимать в пределах конкретной синтаксической единицы характеристики прилагательного или наречия. Производная лексема при этом чаще сохраняет категориальную амбивалентность и только в отдельных случаях приобретает определённую лексико-грамматическую принадлежность: *н'ама* 'тепло'; 'тёплый' > *н'амули* 'тёплый'; 'тепло'; *нақти* 'тёмный'; 'темно' > *нақтули* 'тёмный'; 'темно'; *мочо* 'неловкий'; 'неловко' > *мочовли* 'неудобно, неловко'.

Функцию этого форманта, таким образом, нельзя свести к экспликации категориального признака, которую мы наблюдали у суффикса *-зи*. Однако предельная близость (нередко полное совпадение) значений мотивирующей и производной основ препятствует выявлению словообразовательного значения. Данная модель требует дополнительного углублённого исследования, максимального уточнения значений, передаваемых лексическими единицами такого рода, и анализа их употребления в предложении.

2.3. Образование наречий от существительных [Adverbs derived from nouns]

Производство наречий от существительных происходит по четырём моделям, использующим неспецифичные форманты, уже описанные нами при характеристике других источников словообразования. Большая часть этих моделей, вероятно, является вторичной, то есть образовавшейся в результате расширения сочетаемости суффиксов, изначально присоединявшихся к другим типам основ. Словообразовательные процессы в этом сегменте протекают менее активно, чем у прилагательных и существительных, поэтому объём выборки оказывается существенно меньше (33 деривата – 17% от общего числа).

Так, суффикс *-дала/-доло/-дула/-дэлэ*, выражающий значение предельности как признака, преимущественно фигурирует в отглагольных лексемах, однако обнаруживает ограниченную сочетаемость и с субстантивными основами (13 дериватов – 39% от данной группы). Семантика этих существительных соответствует передаваемому производным наречием значению предельности – они, как правило, обозначают либо точку в пространстве, либо временной отрезок, которые могут выступать в качестве рубежа:

- *даба* ‘горная цепь; название перевейка’ > *дабадала* ‘до края, до предела’; *қалта* ‘половина’ > *қалтадала* ‘до половины’; *умалича* ‘поясница’ > *умаличала* ‘по пояс’; *хава(н)* ‘подмышка’ > *хавандула* ‘до подмышки, по грудь’;

- *долбо* ‘ночь’ > *долбодоло* ‘до ночи, пока не наступит ночь’; *сиксэ* ‘вечер’ > *сиксэдэлэ* ‘до вечера’; *эру(н)* ‘время, пора, период, отрезок времени’ > *эрундулэ* ‘во время’.

Так же, как и в отглагольной группе, здесь отмечаются редкие случаи отклонения от семантики предельности в сторону темпоральности: *эру(н)* ‘время, пора, период, отрезок времени’ > *эрундулэ* ‘во время’.

Аналогичную картину мы наблюдаем у суффикса *-нти* (6 дериватов – 18% от данной группы), выражающего идею направительности, с той лишь разницей, что он, в силу происхождения, о котором говорилось выше, напротив, изначально тяготел к субстантивным основам, а на глагольные перешёл впоследствии. Но определяющим для его сочетаемости становится наличие в смысловой структуре лексической единицы, независимо от её категориальной принадлежности, пространственных компонентов, задающих соответствующее направление: *холдо(н)* ‘бок’ > *холдопти* ‘боком, на боку’; *хэжэ* ‘течение’ > *хэжэпти* ‘вниз по течению’; *қолмила* ‘длина’ > *қолмиланти* ‘вдоль, в длину’.

В отдельных парах указание на направление в семантике мотивирующей основы отсутствует и смысловое соотношение производящего существительного с производным наречием оказывается менее прозрачным. Вероятно, мотивация в таких случаях строится на сложных ассоциативных связях: *кита* ‘иголка’ > *китанти* ‘наизнанку, обратной стороной’ (‘стороной иголки?’).

Модель с суффиксом *-ули/-вли* (7 дериватов – 21% от данной группы) отличается от своего отадъективного аналога большей определённой принадлежностью членов: мотивирующие основы здесь принадлежат только классу существительных, производные – только классу наречий: *амта* ‘вкус, сладость’ > *амтаули* ‘вкусно, сладко’; *иламу* ‘стыд’ > *иламули* ‘стыдно’; *эну* ‘болезнь, недуг, хворь, мука’ > *энувли* ‘больно’; *пэку* ‘жара, зной’ > *пэку(в)ли* ‘жарко’.

Суффикс *-ми*, который также функционирует в сфере отадъективного словопроизводства и, возможно, восходит к омонимичному аффиксу, применяющемуся для образования причастной формы глаголов, в данной модели соотносится с узким, конкретным значением – ‘признак по типу организации множества существ’ (5 дериватов – 15% от данной группы). Существительные, к которым он присоединяется, представляют собой собирательные наименования крупных групп лиц или животных: *мāнду* ‘стая’ > *мāндуми* ‘стаями’; *зэрги* ‘ряд, строй, колонна’ > *зэргими* ‘строем, рядами’.

2.4. Осложнение наречных основ [Adding to adverb stems]

Во внутрикатегориальном словопроизводстве (31 дериват – 16% от общей выборки), то есть осложнении наречных основ дополнительными формантами с сохранением категориальной принадлежности, центральное место занимает продуктивная модель с суффиксом *-ла/-лэ* и качественным наречием в роли мотивирующего слова, обладающая словообразовательным значением степени проявления качества (12 дериватов – 45% от данной группы). Использование данного форманта для уточнения, в какой мере выражен признак, называемый мотивирующей адвербиальной основой, широко распространено в тунгусских языках, в частности отмечается в нанайском и орокском.

Исследователи по-разному характеризуют семантический объём суффикса *-ла/-лэ*. Л. В. Озолиня рассматривает его как показатель сравнительной степени наречия, который может указывать только на высокую степень проявления качества [Озолиня, 2013, с. 277]. В. А. Аврорин предлагает расширенное определение смысловой сущности суффикса, говоря о нём как о выразителе «категории неполной или усиленной степени» [Аврорин, 1959, с. 188]. На наш взгляд, ульчский языковой материал также даёт основания принять последнюю, расширительную трактовку значения форманта. В выборке примерно в равной степени представлены две разновидности производных наречий подобной структуры: в одной из них утверждается степень качества, превосходящая некоторый стандарт, другая же передаёт идею смягчённого его проявления.

- усиленная степень проявления качества: *балана* ‘давно, прежде, раньше’ > *баланала* ‘очень давно’; *зā* ‘легко, нетрудно’ > *зāла* ‘полегче, менее трудно’; *зэс* ‘плотно, наглухо’ > *зэслэ* ‘плотнее’; *йэбэ* ‘легко’ > *йэбэлэ* ‘легче, полегче, потише’; *ой* ‘мало’ > *оила* ‘поменьше’;

- неполная степень проявления качества: *кэт* ‘очень’ > *кэтэлэ* ‘не совсем, едва, почти; чуть-чуть’; *маңга* ‘трудно, тяжело, очень сильно’ > *маңгала* ‘трудновато, потруднее’; *эгди* ‘много’ > *эгдилэ* ‘многовато’; *н’ама* ‘тепло’ > *н’амалā* ‘теповато’; *эркэ* ‘медленно, тихо, едва, еле-еле’ > *эркэлэ* ‘замедленно’.

Широкая сочетаемость суффикса *-зи* охватывает и небольшой круг основ (5 дериватов – 16% от группы) со строго адвербиальным значением, для которых не свойственны синкретизм или конверсионные процессы. В таких случаях значения производящего и производного слов часто обнаруживают существенные различия, вызванные расширением, сужением или трансформацией семантики у последнего: *вақа* ‘хорошо, как надо’ > *вақазу* ‘старательно, порядочно, мастерски’; *сāваси* ‘неизвестно, незаметно’ > *сāвасизу* ‘тайком, незаметно’; *умуту* ‘подобно, одинаково’ > *умутузи* ‘одинаково, поровну’.

Впрочем, в некоторых парах идентичность дефиниций не позволяет установить словообразовательное значение, привносимое формантом, как например: *зиза* ‘близко’ > *зизазу* ‘близко’.

Подобным же образом суффикс *-дала/-доло/-дула/-дэлэ* может сочетаться с отдельными основами наречий (5 дериватов – 15% от данной группы), хотя такое применение этой схемы словопроизводства носит окказиональный характер в сравнении с отглагольной и даже отсубстантивной разновидностями: *мутэвэси* ‘не одолеть, невозможно, невыполнимо’ > *мутэвэсдэлэ* ‘до изнеможения’; *маңга* ‘трудно, тяжело’ > *маңгадала* ‘до устали, до изнеможения’; *пақти* ‘темно’ > *пақтидала* ‘до наступления темноты’.

Отдельную подгруппу внутри адвербиального словообразования (9 дериватов – 29% от группы) образуют модели, в которых в качестве мотивирующей основы выступает местоимение-наречие. В таких парах словообразовательное значение чаще всего дополняет исходную адвербиальную семантику элементом неопределённости. Наиболее последовательно эту функцию в ульчском языке выполняет суффикс *-ну*: *ҳаваси* ‘куда’ > *ҳаваси-ну* ‘куда-то’; *хайду* ‘где’ > *хайду-ну* ‘где-то’; *ҳāли* ‘когда’ > *ҳāли-ну* ‘когда-то’; *ҳаваси* ‘куда’ > *ҳаваси-ну* ‘куда-то’.

Менее семантически однородными в лексикографическом описании предстают производные наречия с суффиксом *-да*. Некоторые из них интерпретируются как неопределённые, другие – как отрицательные. Ср: *хайми* (*хаймари*) ‘почему’ > *хайми-да* ‘почему-то’, *ҳаваси* ‘куда’ > *ҳаваси-да* ‘никуда’.

Многофункциональность наречий со структурным компонентом *-да* отмечается также в орокском языке, где они могут передавать неопределённое или отрицательное значение в зависимости от типа предложения, в котором фигурируют [Озолиня, 2013, с. 287–288]. Очевидно, подобная схема актуализации значений реализуется и в ульчском языке. Непоследовательность отображения двух типов семантики в словарях, возможно, связана с

ограниченным употреблением наречий данного типа в источниках, препятствующим фиксации их полного семантического диапазона. Так или иначе, подобная разнородность отличает эти образования от менее семантически диффузных наречий с суффиксом *-ну*.

2.5. Образование наречий от числительных [Adverbs derived from numerals]

Производство наречий от числительных по большей части осуществляется неаффиксальными способами. В чистом виде аффиксация используется только в двух моделях с формантами *-ра/-рэ* и *-та/-тэ* (обе отмечаются также в орокском языке [Озолиня, 2013, с. 289]), присоединяющимися к основам количественных числительных первого десятка (18 дериватов – 9% от выборки).

Дериваты с суффиксом *-ра/-рэ* имеют семантику повторяемости, кратности: *зақпун* ‘восемь’ > *зақпура* ‘восемь раз’; *дуи(н)* ‘четыре’ > *дуирэ* ‘четыре раза, четырежды’; *зуа(н)* ‘десять’ > *зуара* ‘десять раз’; *ила(н)* ‘три’ > *илара* ‘три раза’.

Среди наречий кратности также выделяются сложные слова, образованные смешанным способом. Они представляют собой дважды повторённые основы количественных числительных первого десятка, каждая из которых дополнена суффиксом *-зи*: *умун’зи-умун’зи* ‘по одному’; *зуэлзи-зуэлзи* ‘по два’; *илан’зи-илан’зи* ‘по три’.

О том, что суффикс *-зи* в этих примерах является не частью застывшей основы, образованной от формы творительного падежа, а словообразовательным компонентом, который вводится с целью экспликации категориальной принадлежности производного слова, свидетельствует факт наличия в лексической системе целого ряда синонимичных единиц, произведённых при помощи одной редупликации, без применения аффиксации: *зуэл-зуэл* ‘по два’; *(н)-ила(н)* ‘по три’; *дуи(н)-дуи(н)* ‘по четыре’; *нада(н)-нада(н)* ‘по семи’.

На то же указывает и наличие аналогичной модели образования наречий кратности с удвоением простых основ количественных числительных, но без добавочных формантов в нанайском языке [Аврорин, 1959, с. 192]. Таким образом, лексическая группа наречий кратности обнаруживает выраженную тенденцию к избыточности: она пополняется за счёт трёх равноправных словообразовательных моделей – аффиксальной, неаффиксальной и модели смешанного типа.

Дериваты с суффиксом *-та/-тэ* выражают дистрибутивное значение: *зақпун* ‘восемь’ > *зақпунта* ‘по восемь’; *зуэл(и)* ‘два’ > *зуэтэ* ‘по два’; *зуэлтэ* ‘оба, вдвоём’; *зуа(н)* ‘десять’ > *зуанта* ‘по десять’; *тунза* ‘пять’ > *тун’зата* ‘по пяти’; *уму(н)* ‘один’ > *умуту* ‘по одному’.

3. Заключение [Conclusion]

Проведённый анализ показывает, что адвербиальное словообразование представлено в ульчском языке развёрнутой системой моделей – в общей сложности их насчитывается около двадцати. В качестве источников мотивирующих основ для производства наречий выступают все самостоятельные части речи, а также класс синкретичных основ. Наиболее регулярно для производства наречий используются глагольные (33% от выборки), адъективные и синкретичные (суммарно 23%) основы. Доля отсубстантивных образований достигает 17%; на внутрикатегориальное словопроизводство приходится 15%, включая наречия, происходящие от местоимённых основ, которые составляют примерно треть данной группы. Небольшую группу (около 9%) образуют дериваты числительных.

Специфичные суффиксы крайне немногочисленны и, как правило, задействованы в малопродуктивных моделях. Большая часть формантов участвует в двух или более моделях, сочетаясь с основами разных лексико-грамматических типов, что соответствует общей тенденции, которая прослеживается в ульчском словообразовании. Уникаль-

ных для тунгусской языковой группы суффиксов, не имеющих аналогов в родственных языках, в ульчском практически не отмечается. Ряд суффиксов (-зи, -пти, -ми), которые сейчас функционируют в языке в роли полноценных словообразовательных формантов, вероятно, восходит к показателям определённых грамматических форм, регулярно подвергавшихся адвербиализации; отмечаются случаи применения моделей смешанного типа (аффиксация + редупликация). Ввиду подобного размытия границ между аффиксальным и неаффиксальным словообразованием представляется необходимым провести исследование последнего, чтобы получить полное представление о структуре и динамике развития адъективного сегмента ульчского словообразования.

Библиографический список

- Аврорин, 1959 – Аврорин В. А. Грамматика нанайского языка. Л. : Академия наук, 1959. 283 с.
- Вальдю, 2005 – Вальдю Г. Г. Ульчско-русский словарь. Богородское, 2005. 88 с.
- Горбунова, 2021 – Горбунова В. А. Аффиксальное словообразование прилагательных в ульчском языке в сопоставлении с нанайским и орокским // Сибирский филологический журнал. 2021. № 2. С. 222–234. <https://doi.org/10.17223/18137083/75/16>
- Горбунова, 2020 – Горбунова В. А. Словообразование имени существительного в ульчском языке (в сопоставлении с нанайским и орокским) // Сибирский филологический журнал. 2020. № 2. С. 9–19. <https://doi.org/10.17223/18137083/71/15>
- Заксор, Наумова 2014 а – Заксор Л. Ж., Наумова И. М. Непродуктивные основообразующие суффиксы в ульчских существительных // Север, олени и не только... СПб. : Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2014. С. 68–74.
- Заксор, Наумова 2014 б – Заксор Л. Ж., Наумова И. М. Об отдельных словообразовательных суффиксах имен существительных в ульчском языке // Молодежь в инновационном развитии Арктики : сб. материалов круглого стола молодых исследователей Якутии (С.-Петербург. гос. ун-т, 29 мая, 2014). СПб. : Изд-во ВВМ, 2014. С. 449–450.
- Кормушин И. В. Удыгейский (удэгейский) язык. Материалы по этнографии. Очерк фонетики и грамматики. Тексты и переводы. Словарь. М. : Наука, 1998. 320 с.
- Озолиня, 2013 – Озолиня Л. В. Грамматика орокского языка. Новосибирск : Гео, 2013. 373 с.
- Певнов, 2018 – Певнов А. М. Лингвистические свидетельства исторических контактов ороков и орочей на Сахалине // Acta Linguistica Petropolitana. Труды Ин-та лингвистических исследований. 2018. Т. XIV. Ч. 1. С. 441–464. <https://doi.org/10.30842/alp2306573714115>
- Петрова, 1936 – Петрова Т. И. Ульчский диалект нанайского языка. М. ; Л. : Учпедгиз, 1936. 154 с.
- ССТМЯ, 1975–1977 – Сравнительный словарь тунгусо-маньчжурских языков. Материалы к этимологическому словарю: в 2 т. / под ред. В. И. Цинциус. Л. : Наука, 1975–1977. Т. 1. 672 с. Т. 2. 992 с.
- Стойнова, 2018 – Стойнова Н. М. Глаголы ‘искать’ и ‘находить’ и их дериваты в диалектах нанайского и ульчского языков // ЕВРика! Сборник статей о поисках и находках к юбилею Е. В. Рахилиной. М. : Лабиринт, 2018. С. 218–244.
- Суник, 1985 – Суник О. П. Ульчский язык: исследования и материалы. Л. : Наука, 1985. 264 с.

References

- Avrorin, V. A. (1959). *Grammatika nanayskogo yazyka [Grammar of the Nanai language]*. Leningrad : Akademiya Nauk Press. (In Russ.).
- Val'dyu, G. G. (2005). *Ul'chsko-russkiy slovar' [Ulcha-Russian vocabulary]*. Bogorodskoe. (In Russ.).
- Gorbunova, V. A. (2021). Affiksals'noe slovoobrazovanie prilagatel'nykh v ul'chskom yazyke v sopostavlenii s nanayskim i orojskim [Adjective derivation through affixation in the Ulch language in comparison with Nanai and Oroch languages]. *Sibirskiy filologicheskiy zhurnal [Siberian Journal of Philology]*, 2, 222–234. (In Russ.). <https://doi.org/10.17223/18137083/75/16>
- Gorbunova, V. A. (2020). Slovoobrazovanie imeni sushchestvitel'nogo v ul'chskom yazyke (v sopostavlenii s nanayskim i orojskim) [Noun derivation through affixation in the Ulch language

- (In comparison with Nanai and Orok languages)]. *Sibirskiy filologicheskiy zhurnal [Siberian Journal of Philology]*, 2, 9–19. (In Russ.). <https://doi.org/10.17223/18137083/71/15>
- Zaksor, L. Zh., Naumova, I. M. (2014 a). Neproduktivnye osnovoobrazuyushchie suffiksy v ul'chskikh sushchestvitel'nykh [Unproductive stem-forming suffixes in the Ulch nouns]. *Sever; oleni i ne tol'ko... [The north, deer and more...]* (pp. 68–74). St Petersburg: Herzen University Press. (In Russ.).
- Zaksor, L. Zh., Naumova, I. M. (2014 b). Ob otdel'nykh slovoobrazovatel'nykh suffiksakh imen sushchestvitel'nykh v ul'chskom yazyke [On selected derivational nominal suffixes of the Ulch language]. *Molodezh' v innovatsionnom razvitii Arktiki. Sb. mat. kruglogo stola molodykh issledovateley Yakutii [The youth in innovative development of the Arctic. A coll. of materials from the open forum of young researchers of Yakutia]* (pp. 449–450). St Petersburg: VVM Press. (In Russ.).
- Kormushin, I. V. (1998). *Udyheyskiy (udegeyskiy) yazyk. Materialy po etnografii. Ocherk fonetiki i grammatiki. Teksty i perevody. Slovar' [The Udehe language. Ethnographic materials. Phonetics and grammar. Texts and translations. Vocabulary]*. Moscow: Nauka Press. (In Russ.).
- Ozolinya, L. V. (2013). *Grammatika orokskogo yazyka [The grammar of the Orok language]*. Novosibirsk: Geo Press. (In Russ.).
- Petrova, T. I. (1936). *Ul'chskiy dialekt nanayskogo yazyka [The Ulch dialect of the Nanai language]*. Moscow, Leningrad: Uchpedgiz Press. (In Russ.).
- Pevnov, A. M. (2018). Lingvisticheskie svidetel'stva istoricheskikh kontaktov orokov i orochey na Sakhaline [Linguistic evidence of historical contacts of Oroks with Orochs on Sakhalin]. *Acta Linguistica Petropolitana. Trudy In-ta lingvisticheskikh issledovaniy [Acta Linguistica Petropolitana. Transactions of the Institute for Linguistic Studies]*, XIV (1), 441–464. (In Russ.). <https://doi.org/10.30842/alp2306573714115>
- Tsintsius, V. I. (Ed.). (1975–1977). *Sravnitel'nyy slovar' tunguso-man'chzhurskikh yazykov. Materialy k etimologicheskomu slovar'yu [Comparative dictionary of Manchu-Tungus languages. Materials for the etymological dictionary]*. In 2 volumes. Leningrad: Nauka Press. (In Russ.).
- Stoynova, N. M. (2018). Glagoly “iskat” i “nakhodit” i ikh derivaty v dialektakh nanayskogo i ul'chskogo yazykov [Verbs “search” and “find” and their derivatives in the Nanai dialects and Ulch language]. In D. A. Ryzhova et al. (Eds), *EVRika! Sbornik statey o poiskakh i nakhodkakh k yubileyu E. V. Rakhilinoy [EUREKA! A collection of articles exploring the topic of searches and findings in celebration of E. V. Rakhilina's anniversary]* (pp. 218–244). Moscow: Labirint Press. (In Russ.).
- Sunik, O. P. (1985). *Ul'chskiy yazyk: issledovaniya i materialy [The Ulch language: Studies and materials]*. Leningrad: Nauka Press. (In Russ.).